

Е.В. Малышева
Тверской государственной университет, г. Тверь
E.V. Malysheva
Tver State University, Tver

**КИНЕСТЕМА КАК ЕДИНИЦА КОМПЛЕКСНОГО ТАКТИЛЬНО-
РЕЧЕВОГО ДЕЙСТВИЯ**
**KINESTHEME AS THE UNIT OF COMPLEX TACTILE-VERBAL
ACTION**

Ключевые слова: кинестема, речевой акт, кинестетическое действие, диалогическое общение, интенциональность, коммуникативный акт

Keywords: kinestheme, speech act, kinesthetic action, dialogue intercourse, intentionality, communicative act

В статье рассматривается комплексное тактильно-речевое поведение партнеров по диалогу и выделяется кинестема как единичное проявление любого кинестетического действия в коммуникативно-функциональном пространстве диалогического общения.

The article deals with complex tactile-verbal behavior of partners in dialogue intercourse and kinestheme is released as a single manifestation of any kinesthetic actions in communicative and functional space of dialogic intercourse.

В научной литературе отмечено, что действия или движения нашего тела или его отдельных частей сопровождаются специфическим ощущением - ощущением движения или кинестетическим ощущением (от греч. kinesis – «движение» и aisthetos – «чувственно воспринимаемый»), по Бастиану, которые «вызываются, вероятно, перемещением мышц, трением поверхностей суставов, складками кожи и массой других изменений в руке; происхождение их еще не ясно, но их существование и точность неоспоримы» (Жане, 2009: 33; см. также: Bastian, 2010).

И хотя роль кинестетических ощущений достаточно велика и, по мнению американских психологов, на кинестетических ощущениях строятся важнейшие переживания человека (Узнадзе, 2004: 192), они все же являются центростремительными и «абсолютно бессознательными» (Жане, 2009: 33). Поэтому на основе кинестетической чувствительности могут формироваться межсенсорные связи, например, такие как «зрительно-двигательные, определяющие пространственное видение или кожно-кинестетические, которые играют очень важную роль в процессах осязания» (Головин, 1998: 39). Из этого следует, что понятие «кинестетическое» может быть связано с понятием «ощущение», которое, накладываясь на вербально-невербальный контекст коммуникации,

представляет собой восприятие действительности посредством невербально-телесных практик. При этом важно отметить, что осмысление окружающего мира оказывается «всегда контактом, взаимооплотнением, выходом за границу, в некий осязаемый контекст, который и определяет, задает смысл, а осязание выступает и как конститутивный признак персонологии, установления контакта и диалогического взаимооплотнения личностей через границу их тел» (Тульчинский, 2006: 187).

Из этого вытекает, что телесная ориентация партнеров по диалогу связана с процессом восприятия, а кинестетические ощущения возникают как следствие этой ориентации и являются основой нашего субъективного кинестетического восприятия в этом мире (Merleau-Ponty, 1964a и др.).

В результате такой деятельности представление объектов в сознании происходит через интенциональность, которая, по справедливому замечанию М. Мерло-Понти, является фундаментальным «действием разума». Благодаря ее многоликости и сложной персональной природе, то переживание, которое мы испытываем в данный момент, никогда более не происходит с нами вновь, а интерпретации, даваемые явлениям не только всегда уникальны и индивидуальны. Такие интерпретации также не являются, устойчивыми в своем значении и закрепленными в нашем сознании раз и навсегда (Merleau-Ponty, 1964).

Не лишним будет заметить, что термин «интенция / интенциональность» (от лат. «intentio») обладает весьма широким смысловым спектром. Например, в средние века оно использовалось в значении «напряжение» (от греч. «tonos») – термина философии стоиков, характеризующего активную и упорядочивающую функцию пневмы или, у других авторов, мирового вещества (Лосев, 1992 и др.), а в XIII–XIV вв. получило широкое распространение в схоластике и обозначало способность сознания быть «направленным на» и тем самым репрезентировать предметы и положения дел, которые находились в поле зрения говорящего субъекта (Касавин, 2007). В частности, в аналитической философии проблема значения интенционального объекта обсуждалась в рамках вопроса о ментальном содержании («mental content») (см. работы М. Шлика, А. Айера, Д. Дэвидсона, Дж. Остина, Б. Страуда в сб.: Аналитическая философия, 1993 и др.).

В рамках этого направления также обсуждался вопрос о существовании интенциональности в природных и искусственных объектах. С точки зрения философии языка речевые акты и любые письменные тексты (как искусственные объекты, обладающие «производной» интенциональностью, которая зависит от истинных, подлинных носителей или создателей интенциональности – людей) обладают интенциональным значением (если речевой акт выражает приказ или пожелание, а письменный текст может или «желает» сообщить читателю некую информацию) (см.: Куренная, Молчанов, 2006 и др.).

Целесообразно заметить, что в коммуникативно-функциональном плане различные речевые акты, представляющие собой «класс директивов или директивных высказываний» (просьбы, приказы, советы,

рекомендации и т.д.) (Романов, 1982/2005: 37-42), также обладают интенциональностью или интенциональным содержанием, которое заключается в «побуждении говорящим лицом адресата сообщения к действию» (Почепцов, 1975: 21; 1981: 276; Романов, 2005/1982: 37 и др.), а так как классы директивов служат «для побуждения говорящего к указанному действию» (Романов, 1982/2005: 37), то их коммуникативно-функциональное назначение связано с «направленностью ожидаемого действия и пресуппозиционным фактором» (там же, 2005: 40), который представляет собой набор предварительных факторов условий функционирования тех или иных речевых актов.

По-видимому, такой набор коммуникативных факторов и условий предполагает коммуникативную организацию пространства интерактивного общения, в котором классы директивов образуют коммуникативно-интенциональный тип, обладающий особым характером отношений между партнерами по диалогу и направленностью ожидаемого действия, а речевые акты или конкретные речевые действия выступают в качестве основных интенциональных показателей (Романов, 1982/2005: 36, 42), если обладают предметной привязанностью (см.: Остин, 1993 и др.).

В этом плане в лингвистическом обиходе, а именно в диалогической интеракции под интенциональностью понимается способность сознания быть «направленным» на какой-либо объект, а такие эмоциональные (ярко выраженные) состояния сознания как, например, желание, любовь, ненависть, надежда всегда являются «направленными» или интенциональными состояниями, так как они направлены на существующие в действительности или просто «представленный» в уме объект действительности (например, партнер по диалогу) (Куайн, 2000; Куренная, Молчанов, 2006).

Кроме того, эмоциональные состояния уникальны, поэтому, «находясь в условиях деятельности, участник коммуникации переживает целый комплекс эмоциональных состояний» (Костяев, 2011: 86), которые вызывают способность к «организации определенных действий» как «направленных на» или интенциональных состояний в акте комплексном тактильно-речевом (там же, 2011: 86), влияющих на продуктивность деятельности и поведения коммуниканта, представляющие собой направленные процессы сознания на определенный объект действительности (участника речеактовой коммуникации). Исходя из этого, эмоции чаще всего выступают «основным регулятором действий человека» (там же, 2011: 12), а интерес представителей различных культур к различным эмоционально-интенциональным состояниям участников диалогического общения становится крайне актуальным и в настоящее время (см.: Шаховский, 2008; Костяев, 2011; Quatly, Jenkins, 1992 и др.).

Известно, что в процессе речеактовой коммуникации партнеры по диалогу помимо вербальных (речевых) средств достаточно часто используют дополнительные (невербальные) средства коммуникации, которые выступают как выразительные интенциональные движения нашего тела, его «изнанкой», «неотъемлемой и рефлекторной

составляющей эмоции». Именно такие «выразительные движения являются как бы «изнанкой» и люди существенно различаются по своей способности адекватно воспринимать и правильно интерпретировать такие невербальные сообщения. Однако, именно невербальные средства коммуникации хотя и в наименьшей степени выражают интенциональность (<http://> Язык тела) по сравнению с вербальными или речевыми единицами все же в процессе комплексных тактильно-речевых действий в процессе пошагового обмена репликами способны в значительной мере усиливать «эмоционально-личностное восприятие действительности» (Чеснов, 1998: 239 - 240), а кинестетические ощущения «практически всегда связаны с другими переживаниями, а их фактическое существование проявляется в том, что они придают этим переживаниям специфический оттенок» (Узнадзе, 2004), например:

*«If I wasn't as weak as a brimstone baby, sir,» whispers Grandfather Smallweed, **drawing the lawyer down to his level by the lapel of his coat and flashing some half-quenched green fire out of his angry eyes, «I'd tear the writing away from him. He's got it buttoned in his breast. I saw him put it there. Judy saw him put it there. Speak up, you crabbed image for the sign of a walkingstick shop, and say you saw him put it there!» This vehement conjuration the old gentleman accompanies with such a thrust at his granddaughter that it is too much for his strength, and he slips away out of his chair, drawing Mr. Tulkinghorn with him, until he is arrested by Judy, and well shaken. «Violence will not do for me, my friend,» Mr. Tulkinghorn then remarks coolly** (Dickens, 1957: 395).*

Аналогично и в рус.: *Графиня лежала на кресле, странно-неловко вытягиваясь, и билась головой об стену. Соня и девушки держали ее за руки. - Наташу, Наташу!.. - кричала графиня. - Неправда, неправда... Он лжет... Наташу! - кричала она, **отталкивая от себя окружающих.** - Подите прочь все, неправда! Убили!.. ха-ха-ха-ха!.. неправда! Наташа стала коленом на кресло, нагнулась над матерью, **обняла ее, с неожиданной силой подняла, повернула к себе ее лицо и прижалась к ней.** - Маменька!.. голубчик!.. Я тут, друг мой. Маменька, - шептала она ей, не замолкая ни на секунду (Толстой, 1978: 183, Т. IV).*

Полезно напомнить, что акт производства речевого произведения в контексте вербально-невербального взаимодействия это «дело говорящего» (Бенвенист, 1974: 312), который использует вербальные средства диалогического общения для достижения нужных для него результатов по своему усмотрению, а значит и те невербальные средства, которые сопровождают наше общение и воздействуют «на форму и смысл» (Горелов, 1980: 6) вербальных сообщений, которые говорящий вносит с целью определенных корректировок в контексте комплексного тактильно-речевого взаимодействия. Поэтому коммуникативно-функциональное назначение такого комплексного действия обуславливается его целевым использованием и представляет собой акт коммуникации в процессе «предметно-практической и теоретико-

познавательной деятельности» (см.: Леонтьев, 1969: 25-28; Романов, 1980: 36-50).

При этом актуализация вербально-невербальное сообщение, говорящий также «фиксирует или выделяет именно то, что он считает актуальным в данный момент» (Романов, 1980: 38), и, развивая отношения в рамках определенного уровня социальной интеракции, формирует «коммуникативно-социальные конвенции», на основе которых возникают как «специальные знания у партнеров (вера, обязанность, убежденность)», так и знания «о фрагменте реальной действительности» (Романов, 1988: 32). Поэтому, взаимодействуя посредством различных принципов коммуникативного сотрудничества в рамках функциональных условий речевого, а значит и невербального исполнения определенных актов диалогической деятельности, партнеры по диалогу формируют принцип заинтересованности в тематике комплексного тактильно-телесного взаимодействия, «указывающий на степень доверия друг к другу и к их намерениям» (там же, 1988: 33).

Такой принцип заинтересованности, перерастая в кодекс доверия (о понятии «кодекс доверия» см.: Романов, 1988: 33-36) и охватывая различные параметры речевого общения (например, искренность или истинность намерений), гарантирует дальнейшее бесконфликтное общение, на которое также влияют следующие категории: «тактичности» (Leech, 1983: 16, 107-110) или «такта» (Волошинов, 1930: 24), «вежливости» (Ferguson, 1981) или «словесного этикета» (Волошинов, 1930: 24). Следовательно, произнося определенное речевое произведение, участники диалогической интеракции используют различные средства (как вербального (языкового) порядка, так и невербального), формируя определенное отношение у партнера к действительности. При этом подчеркнем, что степень включенности тех или иных вербально-невербальных средств в такое общение помогает целенаправленно достигать определенных целей и задач, поставленных партнерами до определенных репликовых шагов или речеактовых произведений. Поэтому в контексте комплексного вербально-телесного взаимодействия прикосновения выражают не только телесные движения, но и обладают различного рода информацией, служащей для выражения конкретного действия (как осознанного так и бессознательного) и могут быть представлены различным спектром тактильно-телесных движений (прикосновения, мимика, жесты).

Если принять во внимание утверждение Д. Эфрона о том, что существуют «жесты, которые изображают телесное движение» (Efron 1941/1972: 11), то можно вычленив особую единицу (по аналогии с фонемой, морфемой или лексемой) паралингвистического уровня общения (о понятии «паралингвистика» см. работы: Николаева, 1969; Колшанский, 1974; Горелов, 1980 и др.), которая является основой как для невербального канала восприятия информации в целом, так для и различных подсистем невербального общения в частности. Такую единицу по аналогии можно назвать *кинемой*.

Кинема (от греч. *kínama* – «движение») как единица паралингвистического уровня общения представляет собой мельчайшую единицу кинесического общения, «единицу двигательного, жестикуляционного «языка», характеризующую и презентующую себя в качестве «элементарной единицы моторного поведения» (Чеснов, 1998: 237). Другими словами, кинемы представляют типовые классы движений, а «их комбинации или последовательности составляют «кинеморфы», которые являются аналогами морфем» ([http:// Кинезис](http://Кинезис)) (примеры кинем: сощурить глаза, подмигнуть, показать кулак и др.).

По аналогии с кинемой, мы можем вычленить еще одну единицу паралингвистического уровня общения – *кинестему*, представляющую собой мельчайшую единицу кинестетического общения, т.е. такую единицу интерактивной коммуникации, которая непосредственно вплетена в речевую деятельность коммуникативного обмена (примеры кинестем: признаваться в любви и поцеловать, утешать / успокаивать и погладить по голове, похлопать по плечу и др.) и вне границ этой деятельности не рассматривается в качестве составляющей компоненты интерактивных речевых формул, обладающих комплексной направленностью.

В этом смысле, являясь продуктом интерактивной коммуникации, кинестема объединяет в себе партнеров по диалогу (говорящего и слушающего независимо от коммуникативной роли) и соотносится с референтом (фрагментом мира вещей или мира образом), включаясь в речевое событие посредством речеактового взаимодействия участников диалогического общения на фоне типового диалогического пространства «в структуре фреймовой организации» (Романов, 1988: 25). Поэтому, взаимодействуя с иллокутивным потенциалом конкретного речевого действия и непосредственно вплетаясь в процесс диалогического взаимодействия, такая кинестема способна относиться к коммуникативному или прагматическому значению речевого произведения, в котором реализуется «стратегический замысел говорящего» (Романов, 1988).

Выражая конкретное действие иллокутивного акта-события (о содержании этого понятия см.: Романов, 1988), кинестема участвует в формировании иллокутивного потенциала, представляющего собой комплекс «иллокутивных функций отдельного типового акта взаимодействия с их основными особенностями и правилами использования» (Романов, 1988: 41), а, следовательно, репрезентирует собой функциональную вариативность средств выражения иллокутивной силы по аналогии с вербальными средствами (различные глаголы, выражающие и передающие тактильно-телесные контакты партнеров по диалогу: прикоснуться, погладить, стукнуть, потрогать и др.). Подчеркнем, однако, что наличие как *minimum* двух константных сторон ситуации общения также предполагает, как правило, конкретизацию такого тактильно-телесного действия (прикоснуться к щеке, погладить по руке, стукнуть кулаком, потрогать волосы и др.).

Примером употребления кинестем может служить диалогический фрагмент, представленный в языке или зафиксированный на бумаге, ср., в

частности:

*«Then you can marry.» I couldn't have written anyway; **she had caught up both my hands, holding them between hers** against her chest. «You must. I want you to. You mustn't miss that. Nobody must never have had that once. Nobody. Nobody (Faulkner, 1961: 226)».*

Аналогично и в рус.: - *Я думаю, тебе остаться, Александр, - сказала жена. - Как хотите. - Мaman, отчего же papa не поехать с нами? - сказала Кити. - И ему веселее и нам. Старый князь встал и **погладил рукой волосы Кити**. Она, краснея, потянулась к нему, ожидая поцелуя, но **он только потрепал ее по волосам** и проговорил: - Эти глупые шиньоны! До настоящей дочери и не доберешься, а ласкаешь волосы дохлых баб (Толстой, 1982: 124, Ч. II).*

Кинестемы:

в английском языке – *catch one`s hands, hold one`s hands between one`s hands;*

в русском языке – *погладить рукой волосы, потрепать по волосам.*

Таким образом, посредством мены репликовых шагов как иллокутивных актов-событий могут замыкаться конкретные интерактивные действия, а значит и отдельные иллокутивные акты-события, которые представлены в рамках комплексного иллокутивного потенциала как различные иллокутивные репликовые шаги, представляющие собой «совокупность актов-событий» либо общей иллокутивной направленности всего комплекса действий, либо схожей направленностью некоторых актов-событий (Романов, 1988: 42). Именно в таких актах-событиях и реализуются конкретные кинестемы как дополнительные маркеры иллокутивности. По аналогии с вербальными действиями они реализуют определенный иллокутивный потенциал, соотносятся с единицей-событием и маркируются иллокутивной силой конкретного речевого действия в контексте вербально-невербального комплекса иллокутивных действий:

Единица–событие: кинестема

Следует подчеркнуть, что кинестема как единица комплексного тактильно-речевого действия обладает формально-грамматическими признаками (показателями), такими как целостность (неделимость на более мелкие единицы), модальность (как способ действия или отношение к нему), относительная замкнутость (использование определенных прикосновений или глаголов, маркирующих их в диалогическом общении).

Кинестема как единица-событие выступает как единица коммуникативного уровня, на котором взаимодействуют партнеры посредством вербально-невербальных действий. В свою очередь заметим, что реализация конкретных форм кинестем находит свое отражение в типовом контексте коммуникации, а значит и в отдельных типовых ситуациях или в «типовом иллокутивном фрейме», в котором одно из действий с разной степенью иллокутивной направленности является доминирующим (там же, 1988: 41). В этом случае «иллокутивная сила по отношению к другим иллокутивным проявлениям всего комплексного

объединения» (там же, 1988: 41) репликовых шагов будет оставаться доминирующей, а конкретные вербально-телесные действия будут проявляться в рамках того или иного типа отношений, сложившегося между партнерами по диалогу к определенному моменту действительности.

Следовательно, кинестема как событийная единица или единица-событие может не только замыкаться в пределах отдельных интерактивных комплексных вербально-тактильных ходах, но и по аналогии с вербальными единицами может выходить за их пределы, например:

...put her hand to his lips, said, 'Tomorrow morning I shall have the happiness of claiming this hand as Mrs Dombey's,' and bowed himself solemnly out (Dickens, 1955: 528, V.I).

Ср. и в рус.: *Сейчас вы должны прежде всего думать о вашем карапузике... - Я не буду, - шепнула Кэт и припронулась ледяными пальцами к его теплой, влажной руке, - спасибо вам* (Семенов, 1991: 398)...

В представленных примерах мы имеем дело с перформативной формулой как с однозначным соответствием «иллокутивной функции» (реализация типового речевого акта обещание) (о понятии «иллокутивная функция» см.: Романов, 1988: 27-68) как инструмента воздействия, так и с ее сложным образованием (во втором примере иллокутивная функция базируется на двух самостоятельных иллокутивных потенциалах – иллокутивных типовых актах, речевые акты обещание и благодарность) в пределах интерактивных типовых репликовых шагов.

Реализация конкретных речевых действий происходит в комплексном тактильно-речевом взаимодействии и кинестемы как единичные проявления любого действия выполняют определенные функции, включаясь в общий контекст коммуникации, например:

«Mother,» interposed her son, always getting before her and pushing her back with one shoulder as she sidled at my guardian (1), «WILL you hold your tongue?»(2) «No, William,» she returned (3), «I won't! Not unless he gets out, I won't! (4) (Dickens, 1957: 887)»

Ср. и в рус.: *Благодарю вас за это! - произнес барон и, встав со своего места, поцеловал у Анны Юрьевны руку (1). - Ах, однако, какой ты плут! - сказала она ему, погрозя пальцем. (2) - Что делать!.. - отвечал барон, улыбаясь. (3) - Еще Грибоедов сказал, что «умный человек не может быть не плут» (4) (Писемский, 1959: 324).*

Если разбить и рассмотреть комплексные тактильно-речевые действия по порядку их следования, то в функциональном плане они будут члениться на самостоятельные интенциональные звенья – комплексные акты-события (речевые действия во взаимодействии с кинестемами): от благодарности до упрека и от упрека до утверждения (пример на русском языке); от обращения до квеситива (вопросительного предложения в традиционном смысле (Почепцов, 1975: 17-24; 1981: 272-278) и до обещания не «держат язык за зубами» (пример на английском языке).

Разбиение комплексного тактильно-речевого пространства диалогического взаимодействия, который в целом, однако воспринимается как квеситив (пример на английском языке), на интенциональные звенья, показывает, что вокруг одного комплексного тактильно-речевого события выступают различные по своей интенциональной направленности речевые акты-события во взаимодействии с кинестемой как невербальной единицей-событием. Соответствие интенциональных действий и сама их реализация в рамках интерактивного общения позволяет не только рассмотреть порядок следования конкретных вербально-телесных действий для реализации общей цели коммуникативного взаимодействия, но и выявить определенные функции, которые выполняют конкретные акты-события и характеризуют процесс диалогического общения в целом. Например (пример на английском языке), интенциональное звено, маркированное номером (1) выступает как вводящее в диалог партнера по коммуникации, действие (2) является главным связующим звеном, то чего хочет узнать и пытается решить говорящий для себя, такое действие направлено на кооперацию диалогического общения, однако действия (3, 4) как ответные действия являются своего рода обоснованием правомочности партнера по диалогу и выступают в качестве закрывающих действий, которые закрывают успешно или неуспешно иницирующий шаг говорящего.

В русском языке аналогично как и в английском отдельные комплексные тактильно-речевые акты-события выполняют также определенные функции, которые в целом также характеризуют процесс диалогического общения, например: интенциональное звено (1) выступает в качестве обоснования действия следующего порядка (2), а кинестема *поцеловать руку*, включаясь в общий контекст коммуникации и размещаясь в ее интенциональном пространстве, вносит определенные коррективы, настраивая участников на легкость и непринужденность дальнейших отношений, действие (3, 4) являются подтверждением таких отношений. Взаимодействие партнеров замыкается последним репликовым шагом свою очередь (4), а взаимодействие партнеров распространяется несколько интерактивных ходов.

Однако отметим, что в диалогическом общении достаточно часто встречаются комплексные тактильно-речевые взаимодействия, в которых взаимодействие партнеров распространяется на одном интерактивном ходе, например:

Mrs Chick took Miss Tox's hand in hers, rested the foot of her wine-glass upon it, repressed a tear, and said in a low voice, «God bless you!» (Dickens, 1955: 33, V.I).

Ср. и в рус.: *Хорошая моя девочка. – Он погладил Дарью по голове* (Мареева, 2006: 35).

Таким образом, размещаясь в контексте вербально-невербального взаимодействия, кинестемы как единицы-события, взаимодействуя с речевыми единицами общения, которые отражают «характер речевого поведения партнеров в конкретный момент времени» и определяют «вклад

партнеров в реализацию цели в определенный момент времени» (Романов, 1988: 43), способны выступать в качестве дополнительных маркеров иллокутивности «при полном вербальном раскрытии какого-либо содержания» (Горелов, 1980: 12). Тем самым такие акты-события не только дополняют «лингвистическую информацию», но и иногда замещают лингвистический знак, «разрушая» при этом «словесную коммуникацию» (Колшанский, 1974: 7)

В контексте развития отношений между участниками диалогического взаимодействия и реализацией определенных параметров иллокутивного потенциала конкретного речевого действия, действия невербальные, тактильно-телесные будут раскрываться или реализовываться как типовые (т.е. построенные по определенному типу или образцу). Таким путем соединение двух сторон вербальной и кинестетической будет происходить на фоне актуализации говорящим определенных иллокутивных типов фреймового взаимодействия, а характер отношений между говорящим и слушающим будет зависеть от развития самих отношений, сложившимися на момент речи или в результате их диалогического общения.

Посредством развития таких отношений между коммуникантами иллокутивная функция репликового шага как непрерывного и динамического процесса будет образовываться «всеми иллокутивными актами-событиями» (Романов, 1988: 43), а значит и единицами комплексного вербально-телесного взаимодействия, а, в частности, кинестемой как единицей-событием данного коммуникативного проявления.

Однако реализация такого вербально-телесного действия находит свое отражение в типовом пространстве интерактивного взаимодействия, что позволяет утверждать, что помимо актуальной привязки к моменту речи «я-здесь-сейчас» как конкретного события в определенный момент речи, есть определенный тип отношений, сложившийся на данный момент. В таком фрагменте действительности, безусловно, есть единица-тип или типовое действие, которая отражает интерактивный характер ведения диалога и способствует развитию отношений, сложившихся у партнеров в диалогической интеракции, по типовому сценарию.

Такая единица-тип является единицей типового интерактивного пространства на уровне непосредственной актуализации репликового шага в «процессе акта производства или порождения текстового фрагмента, являющегося продуктом речевой деятельности» (Шахнарович, 1984: 91). Поэтому в контексте вербально-невербального взаимодействия коммуникантов по аналогии с такой единицей-типом и можно вычленить невербальную единицу-тип, которая способна отражать типовой характер отношений интерактантов и отражать посредством определенных изменений в процессе диалогического общения (мена коммуникативных реплик, коммуникативной заинтересованности партнеров по диалогу, смена определенных специальных знаний у партнеров и др.) типовую иллокутивную направленность реализуемого комплексного тактильно-

речевого действия:

Единица-тип: кинестетическое действие

Такая единица-тип тактильно-телесного действия представляет собой определенное тактильное или кинестетическое действие участника диалогического общения (не зависимо от его коммуникативной роли, т.к. в любой момент может произойти мена ролей), направленное на реализацию конкретного иллюкутивного потенциала речевого действия. Целесообразно отметить, что свою функциональную природу такая единица раскрывает в динамике речевого общения, т.е. в «определенных конкретных условиях речевого общения», являясь единицей, которая усиливает или ослабляет конкретные речевые действия (Бахтин, 1979: 262), например:

Cornelia, taking both Paul's hands in hers, said, «Dombey, Dombey, you have always been my favourite pupil. God bless you (Dickens, 1955: 264, V.I)!»

Аналогично и в рус.: - *Значит, отдохнули прекрасно? — начала я. Машка взяла меня за руку и взглянула укоризненно. - Неужели мы будем говорить об этом? - А о чем ты хотела поговорить? - не поняла я. Точнее, сделала вид, что не понимаю. - Он и вправду не изменился, - сказала со вздохом. - И ты по-прежнему любишь его. - Разве могло быть иначе? - пожала я плечами (Полякова, 2006: 262).*

Кинестетические действия:

в английском языке – *taking both Paul's hands in hers;*

в русском языке – *Машка взяла меня за руку.*

Как известно, в разговорной реальности любой текст, представленный в речи или зафиксированный на бумаге, является элементом конкретного коммуникативного акта и выступает в качестве «орудия речевого общения» (Сидоров, 1982: 16), поэтому он характеризуется особым статусом, реализующимся в процессе диалоговой интеракции, и, зависящим как от внутренних особенностей структуры текста, так и от характера и условий его внешнего функционирования. Таким образом, являясь продуктом речевой деятельности, такой текст формируется определенным типом взаимодействий на уровне «фреймовой организации диалогического взаимодействия» (Романов, 1988: 27-68), что означает, использование партнерами по диалогу определенных средств, которые способствуют координации и упорядочиванию их деятельности.

Целесообразно отметить, что в формировании коммуникативной структуры предложения, а значит и репличного шага как «произведения говорящего субъекта в процессе актуализации»: в статистическом как «реализованный текстовый фрагмент с определенным содержанием» так и в динамическом как «акт индивидуального пользования языком», т.е. «акт производства текстового фрагмента» (см.: Ванников, 1979: 33-35, Шахнарович, 1984: 91), выступающего в качестве конечного произведения речевой деятельности, могут принимать участия и слова. Так как именно они, включаясь в контекст предложения и в дальнейшем размещаясь в общем контексте текстового произведения, приобретают постоянные определенные коммуникативные функции (например, воздействие на адресата), поэтому способны обладать определенным коммуникативным

статусом.

Невербальные единицы также как и вербальные единицы диалогического общения несут в себе определенный набор функций и функционируют подобно вербальным средствам общения. Следовательно, «в самостоятельном употреблении кинесические средства функционируют подобно вербальным высказываниям - однословным и неоднословным. Они являются коммуникативными единицами, так как актуализируют три базовые функции коммуникации - информационную, прагматическую и экспрессивную» (Конецкая, 1997: 89).

Поэтому организация пространства диалогического общения маркируется определенными вербально-невербальными средствами, которые взаимодействуя между собой, составляют единое типовое коммуникативное пространство диалогического общения. Стоит отметить, что особая роль в этом отношении принадлежит кинестетическим действиям, которые надстраиваются над вербальными действиями и дают возможность выявить некоторые особенности взаимоотношений языка. Именно в таком поведении кинестем как единиц комплексного тактильно-речевого действия и раскрывается их коммуникативный статус, который в процессе интерактивного взаимодействия вербально-невербальных единиц проявляется в усилении эмоционального состояния партнеров по диалогу, выражении указательного значения, значения побуждения, вопроса, утверждения, а иногда в частичной замене собой вербальных компонентов коммуникации, например:

«Now look in my eyes.» (1) «I can't.» «See here.» «I can't. Don't ask me. I'll answer you, but don't make me look at you.» His hand stole to her cheek (2) and fondled it (3). He petted her shoulder (4), and she leaned her head against him (Dreiser, 1954: 166).

Наблюдения за коммуникативным поведением сторон позволили нам сделать вывод, что в представленном примере кинестетические действия (2, 3, 4) можно выделить как особые действия, направленные на реализацию конкретной цели, заданной вначале диалога (1). Поэтому своеобразные «прикосновения» участника интерактивного общения означают усиление требования инициатора диалогической реплики (1). В дальнейшем посредством этих прикосновений этот участник и достигает нужных для него результатов (*she leaned her head against him*).

Аналогично и в рус.: - *Веди нас на фатеру! Сами твои ключи возьмем, - наседала Игнатенкова мать (1). У нее дрожали от волнения брызглые щеки и крупная бородавка на носу, по морщинистому лицу непрерывно сыпался пот. Она первая толкнула Давыдова (2), и тот охотно, но медленно зашагал по направлению к своей квартире (Шолохов, 1977: 214).*

Наблюдения за коммуникативным поведением сторон позволили нам сделать вывод, что в представленном примере кинестетическое действие (2) можно выделить как особое действие, направленное на реализацию конкретной цели, заданной вначале диалога (1). Поэтому своеобразный «толчок» участника интерактивного общения означает усиление

требования инициатора диалогической реплики (1). В дальнейшем посредством прикосновения этот участник и достигает нужных для него результатов (*Давыдов зашагал по направлению к своей квартире*).

Приведем еще один пример, в котором мы можем наблюдать проявление коммуникативного статуса кинестем:

Cousin Feenix took her hand (1), and congratulated her upon her marriage. 'I could have wished, I am sure,' said Cousin Feenix (Dickens, 1955, V. II).

В этом фрагменте кинестетическое действие (1) является невербальным сопровождением, которое показывает определенные эмоции, которые только посредством слов выразить невозможно. Таким образом, партнер по речевому общению выражает свою радость по поводу происходящего события.

Аналогично и в рус.: - *Иван Павлыч, дорогой, поздравляю вас!* - сказал я (1), и *мы обнялись* (1а) и долго *целовали друг друга* (1б). - *Поздравляю вас,* - говорил я между *поцелуями*, - и желаю, чтобы все ваши ученики были так же благодарны вам, как я (2). - *Спасибо, Санечка* (3) (Каверин, 1979: 320)!

В этом фрагменте кинестетические действия (1а, 1б) участников по диалогу являются фоном вербальных действий (1, 2, 3). Поэтому можем отметить, что невербальные компоненты сигнализируют определенные эмоции, которые только посредством слов выразить невозможно. Таким образом, партнер по речевому общению (Саша) выражает свою симпатию и радость по поводу настоящего события, соответствующего интересам второго партнера по речевому общению (Ивана Павловича).

Итак, кинестема как единичное проявление любого кинестетического действия актуализируется в коммуникативно-функциональном пространстве диалогического общения. Она, непосредственно связана с определенным отрезком действительности (конкретной ситуации диалогической интеракции) и коррелирует с инвариантным тематическим представлением речевого произведения, т.е. его пропозициональной структурой.

Полезно напомнить, что пропозиция (от лат. *propositio*) представляет собой действительное или возможное положение дел, поэтому акт реализации пропозиционального содержания будет включать в себя определенный набор параметров релевантных отчасти для актуализации речевого произведения, а именно: а) переменные участников обмена речевыми шагами с их социально-ролевым статусом, б) переменные локально-темпоральных параметров, главным образом, мета и времени протекания обмена речевыми шагами, в) переменную, отражающую пресуппозиционный фон диалога (фонд знаний участников взаимодействия), г) переменные целевого или иллокутивного (термин из работ по теории речевых актов) назначения репликовых шагов, т.е. речевое, коммуникативное намерение и способ его реализации и д) переменную, отражающую референциальный характер речевого произведения (параметры актуализации речевого произведения см.:

Романов, 1988: 27-36).

Следовательно, кинестема как единица-событие выступает конкретным исполнением невербального действия в комплексном вербально-тактильном взаимодействии и является продуктом субъективной деятельности говорящего, отражая его коммуникативную интенцию и коммуникативную направленность интерактивного пространства диалогического общения. В контексте сказанного в первую очередь следует подчеркнуть, что коммуникативная интенция не только определяет роль говорящего как непосредственного участника речевого акта, но и обозначает конкретную цель речевого произведения (см.: Романов, 1988: 36-37). Помимо этого она объясняет его непосредственно прагматический характер, так как связана не только с мотивом речевого действия, но и указывает на цель говорящего в данном социальном взаимодействии.

В этой связи участник диалогического общения, формируя комплексное вербально-тактильное действие, как правило, стремится учитывать сущность интенционального выражения вербально-невербальных проявлений для того чтобы достигнуть правильной интерпретации средств такого комплексного действия. Поэтому, выражая коммуникативную интенцию говорящему необходимо учитывать «оценочное восприятие слушателя» (Волошинов, 1930: 96-97), который рассматривает такое сообщение как посылку к дальнейшему сотрудничеству или взаимодействию (независимо от конечного результата).

Литература

1. Аналитическая философия: Избранные. – М.: Изд-во МГУ, 1993. – 181 с.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.
3. Ванников Ю.В. Синтаксис речи и синтаксические особенности русской речи. – М.: Русский язык, 1979. – 296 с.
4. Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке. – Л.: Прибой, 1930. – 188 с.
5. Головин С.Ю. Словарь практического психолога. - Мн.: Харвест, 1998. - 800 с.
6. Горелов И.Н. Невербальные компоненты коммуникации. – М.: Наука, 1980. - 112 с.
7. Жане П. Психический автоматизм. – М.: Наука, 2009. – 502 с.
8. Касавин И.Т. Дискурс-анализ и его применение в психологии / И.Т. Касавин // Вопросы психологии. – 2007, № 6. – С. 97 - 119.
9. Кинезис. – Электрон. данные. – 2008. – Режим доступа: <http://vocabulary.ru/dictionary/487/word/%C4%8C%D0%CE%D0%D4/>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус., 10.11.2009.
10. Колшанский Г.В. Паралингвистика. - М.: Наука, 1974. - 81 с.

11. Конечкая В.П. Социология коммуникации. – М.: Международный университет бизнеса и управления, 1997. – 302 с.
12. Костяев А.П. Регулятивная характеристика инвективного дискурса в профессиональном общении. – Тверь: Институт прикладной лингвистики и массовых коммуникаций ТГСХА, ТвГУ, 2011. – 100 с.
13. Куайн У.В.О. Натурализованная эпистемология // Слово и объект. – М.: Логос, Праксис, 2000. – С. 368 - 385.
14. Куренная В.А., Молчанов В.И. Обсуждаем статью «Интенциональность» / В.А. Куренная, В.И. Молчанов, Е.В. Вострикова, А.А. Веретенников // Эпистемология и философия науки. № 4 . – М.: Канон+, 2006. – С. 131 - 143.
15. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. – М.: Просвещение, 1969. – 214 с.
16. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. Т. VII. Книга 1. – М.: Искусство, 1992. – 830 с.
17. Николаева Т.М. Невербальные средства коммуникации и их место в преподавании языка // Роль и место страноведения в практике преподавания русского языка как иностранного. - М., 1969. - С. 47 - 73.
18. Остин Дж. Значение слова // Аналитическая философия: Избранные тексты. – М.: Изд-во МГУ, 1993. – С. 105 – 121.
19. Почепцов Г.Г. Прагматический аспект изучения предложения // Иностранные языки в школе. – 1975, №6. – С. 15 - 25.
20. Почепцов Г.Г. Предложение // Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. – М.: Высшая школа, 1981. – С. 164 - 281.
21. Романов А.А. Некоторые особенности вопросительных высказываний, выражающих просьбу // лексическая и синтаксическая семантика. – Барнаул: Алтайский государственный университет, 1980. – С. 154 – 161.
22. Романов А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. – М.: ИЯ АН СССР, 1988. – 183 с.
23. Романов А.А. Семантика и прагматика немецких перформативных высказываний-просьб.– М.: Ин-т яз. РАН, 2005 (1982). - 153 с.
24. Сидоров Е.В. К характеристике текста как подсистемы (в обычной языковой коммуникации и в коммуникации с реферированием) // Перевод как лингвистическая проблема. – М.: МГУ, 1982. – С. 12 - 27.
25. Тульчинский Г.Л. Философия тела // Эпштейн М.Н. Тело свободы / Тульчинский Г.Л. Философия тела. - СПб.: Алетейя, 2006. – 432 с.
26. Узнадзе Д.Н. Общая психология. – СПб.: Питер, 2004. – 413 с.
27. Чеснов Я.В. Лекции по исторической этнологии: учебное пособие. - М.: Гардарики, 1998. - 400 с.
28. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. – М.: Гнозис, 2008. – 416 с.
29. Шаховский В.И. Энергетическая мощь эмоций и

дискурсивные норма // Вопросы психолингвистики. - М., 2008а. - С. 39 - 43.

30. Шахнарович А.М. Когнитивные и коммуникативные аспекты текста // Психолого-педагогические и лингвистические проблемы исследования текста: Тез. докл. Республиканской научно-технической конференции. – Пермь: Пермский политехнический институт, 1984. – С. 90 – 92.

31. Язык тела. – Электрон. данные. – 2009. – Режим доступа: <http://ariom.ru/wiki/JazykTela>. – Загл. с экрана. – Яз. рус., 01.11.2009.

32. Bastian H.C. Le Cerveau Organe De La Pensee Chez L'Homme Et Chez Les Animaux V2: L'Homme (1888). – Whitefish: Kessinger Publishing, 2010, vol. II. – 326 p.

33. Efron D. Gesture and environment. - NY: King's Crown Press, 1941. – 184 p. Reprint: Efron D. Gesture, race and culture. – NY: Mouton, 1972. - 226 p.

34. Ferguson Ch. The structure and use of politeness formulas // Conversational routine: explorations in in standardized communication situations and prepatterned speech. – The Hague: Mouton, 1981. – P. 21 – 35.

35. Leech G.N. Principles of pragmatics. – London: Longman, 1983. – 250 p.

36. Merleau-Ponty M. Le visible et l'invisible. Suivi de notes de travail. - Paris: Gallimard, 1964. - 360 p.

37. Merleau-Ponty M. Phenomenology of Perception. - L: Routledge and Kegan Paul, 1964a. – 544 p.

38. Quatly K., Jenkins J.M. Human emotions: Function and dysfunction // Annual Review of Psychology. – 1992, vol. 43. - P. 55 – 85.

References

1. Analytic Philosophy : Selected . - Moscow: MGU , 1993 . - 181 p.
2. E. Benveniste General Linguistics . - Moscow: Progress Publishers , 1974. - 447 p.
3. Vannikov Y. The syntax of speech and syntactic features of Russian speech . - Moscow: Russian language , 1979 . - 296 .
4. V.N. Voloshinov Marxism and the Philosophy of Language : The main problems of sociological method in the science of language . - L.: Surf 1930 . - 188 .
5. Golovin S.Y. Dictionary of Practical Psychology . - Mn. : Harvest , 1998 . - 800 .
6. Gorelov I.N. Nonverbal communication components . - Moscow: Nauka , 1980 . - 112 .
7. Janet P. Psychic automatism . - Moscow: Nauka, 2009 . - 502 .
8. Kasavin I.T. Discourse analysis and its application in psychology / IT Kasavin // Questions of psychology. - 2007, № 6 . - p. 97 - 119 .
9. Kinesis . - Electron . data. - 2008 . - Mode of access : <http://vocabulary.ru/dictionary/487/word/%CA%C8%CD%C5%CC%CE%D0%D4/>, free . - Caps . from the screen. - Jaz . Rus. , 10.11.2009 .

10. Kolshansky G.V. Paralinguistics . - Moscow: Nauka , 1974. - 81 p.
11. Konetskaya V..P Sociology of Communication . - M.: International University of Business and Management , 1997 . - 302 .
12. Kostyaev A.P. Regulatory response to invective discourse in professional dialogue . - Tver : Institute of Applied Linguistics and Mass Communications TGSKHA , TSU, 2011 . - 100
13. Quine W.V.O. Naturalized epistemology // Word and Object . - Moscow: Logos , Praxis , 2000 . - p. 368 - 385.
14. Kurennaya V.A. Molchanov VI Discuss the article " intentionality " / V.A Kurennaya, V.I. Molchanov, E.V. Vostrikov , A.A. Godwits // Epistemology and philosophy of science . Number 4 . - M.: Canon + 2006 . - p. 131 - 143.
15. Leontiev A.A. Language, speech , speech activity . - M.: Education , 1969 . - 214 .
16. Losev A.F. History of ancient aesthetics . Results millennial development. T. VII. Book 1 . - M. : Arts , 1992 . - 830 .
17. Nikolaeva T.M. Nonverbal communication and their role in language teaching // The role and place of geography in the practice of teaching Russian as a foreign language . - M. , 1969 . - p. 47 - 73.
18. Austin J. Meaning of the word // Analytic Philosophy : Selected texts . - Moscow: MGU , 1993 . - p. 105 - 121.
19. Pocheptsov G.G. Pragmatic aspect of the study offers // Foreign languages in school. - 1975 , № 6. - p. 15 - 25 .
20. Pocheptsov GG Offer // IP Ivanov , VV Burlakov , Pocheptsov GG Theoretical grammar of modern English. - Moscow: Higher School , 1981. - p. 164 - 281.
21. Romanov A.A. Some features of interrogative sentences expressing request // lexical and syntactic semantics . - Barnaul : Altai State University , 1980 . - p. 154 - 161.
22. Romanov A.A. System analysis of regulatory assets dialogic communication . - Moscow: USSR Academy of Linguistics , 1988. - 183 .
23. Romanov A.A. Semantics and pragmatics of performative utterances - German requests . - Moscow: Inst lang. Russian Academy of Sciences , 2005 (1982). - 153 p.
24. Sidorov E.V. The characterization of the text as a subsystem (in the usual language of communication and communication with referencing) / / Translation as a linguistic problem . - Moscow: Moscow State University , 1982. - p. 12 - 27.
25. Tulchin G.L. Philosophy body // Epstein MN Body Freedom / GL Tulchin Philosophy body. - St. Petersburg. : Aletheia, 2006 . - 432 .
26. D.N. Uznadze General Psychology. - St. Petersburg. : Peter , 2004 . - 413 p.
27. Chesnov Y. Lectures on historical ethnology : a tutorial . - M.: Gardarika , 1998 . - 400 .
28. Shakhovsky V.I. Linguistic theory of emotions. - Moscow: Gnosis , 2008 . - 416 .

29. Shahovsky V.I. Energy capacity of emotions and discursive norm // Questions psycholinguists . - M. , 2008a . - p. 39 - 43.
30. Shakhnarovich A.M. Cognitive and communicative aspects of the text // Psycho- pedagogical and linguistic aspects of the research text : Proc. of reports . Republican scientific conference . - Perm Perm Polytechnic Institute , 1984 . - p. 90 - 92.
31. Body language. - Electron . data. - 2009 . - Mode of access : <http://ariom.ru/wiki/JazykTela>. - Caps . from the screen. - Jaz . Rus. , 01.11.2009 .
32. Bastian H.C. Le Cerveau Organe De La Pensee Chez L'Homme Et Chez Les Animaux V2: L'Homme (1888). - Whitefish: Kessinger Publishing, 2010 , vol. II. - 326 p.
33. Efron D. Gesture and environment. - NY: King's Crown Press, 1941 . - 184 p. Reprint: Efron D. Gesture, race and culture. - NY: Mouton, 1972 . - 226 p.
34. Ferguson Ch. The structure and use of politeness formulas // Conversational routine: explorations in in standardized communication situations and prepatterned speech. - The Hague: Mouton, 1981 . - P. 21 - 35.
35. Leech G.N. Principles of pragmatics. - London: Longman, 1983 . - 250 p.
36. Merleau-Ponty M. Le visible et l'invisible. Suivi de notes de travail. - Paris: Gallimard, 1964 . - 360 p.
37. Merleau-Ponty M. Phenomenology of Perception. - L: Routledge and Kegan Paul, 1964. - 544 p .
38. Quatly K., Jenkins J.M. Human emotions: Function and dysfunction // Annual Review of Psychology. - 1992 , vol. 43. - P. 55 - 85 .

(1 п.л.)